

**САМОСОЗНАНИЕ
И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ**

ЛЮДМИЛА БЕШЕНЦЕВА

18+

Людмила Бешенцева

**Самосознание и
прочие неприятности**

«Автор»

2026

Бешенцева Л. С.

Самосознание и прочие неприятности / Л. С. Бешенцева —
«Автор», 2026

Каждый актёр мечтает о роли, которая сделает его бессмертным. Но что, если ты уже застрял в этой роли навсегда? Пак Хва Су — профессиональная злодейка, и её сцена — смерть от рук прекрасной героини. Снова. И снова. Пока однажды она не понимает: мир вокруг — не съёмочная площадка, а книга. И у каждой книги есть автор, которому плевать на её чувства. В отчаянной попытке выбраться из зацикленного кошмара, она перерождается в теле хрупкой принцессы с рожками, соблазняет правителя драконов, а он превращается в говорящий меч. Теперь им предстоит путешествие по мирам уся, клановым интригам и смертельным поединкам, попутно выясняя — что за сила перекидывает их из одной истории в другую? Чей голос звучит в разрывах реальности?

© Бешенцева Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Людмила Бешенцева

Самосознание и прочие неприятности

Глава 1

Книга — это сложный механизм, застывший во времени. Её герои снова и снова проходят один и тот же алгоритм, даже не подозревая, что движутся по чужой воле. Наверное, для кого-то это рай, заключённый в одной истории, а для кого-то — ад в другой. Но что случится, если герой вдруг обретёт самосознание? Интересно? Тогда внимайте.

Моё сознание пробудилось однажды ярким осенним днём, когда я, Пак Хва Су, стояла посреди королевского двора и отыгрывала карикатурную злодейку. Отыгрывала? Ну, я же актриса, как-никак, вот и приходится стараться. Лицо у меня специфичное — не сказать, чтобы красивое: строгие, резковатые черты, колючий взгляд карих глаз, доставшихся от матери, тонкие, будто сжатые в вечной усмешке губы. Идеальный образ злодейки, что уж там.

В тот день, стоя под прицелом кинокамер, вдруг всё поняла: я отыгрывала эту сцену не сто, даже не тысячу раз — гораздо больше. Миллионы знакомых кадров пронеслись перед глазами, наслаиваясь друг на друга, и на душе стало тошно. Моя роль — вновь пережить испытания, лишения, а в конце концов — нелепую смерть от рук прекрасной героини.

«Твою ж мать!» — пронеслось в мыслях. Играть роль расхотелось сразу. Стянув с головы тяжёлый убор, я поспешила в гримёрку, а переодевшись, направилась напрямиком в ближайший бар.

Понимание обрушилось на меня, как ледяная волна: всё это время я любила какого-то мудака, задирала цветочек-незабудку, жила как последняя тварь — и всё это лишь задумка автора, чья фантазия была до уродливого плоской. Крепкий виски прямо скользнул в горло, и приятное тепло разлилось по желудку, в котором с утра и росинки не было. «Нефиг выбирать ужасное агентство для продвижения», — мысленно бросила я, с трудом поднялась, проплыла пару шагов и осела в объятиях красивого мужчины. Он, как-то слишком быстро поняв, кто перед ним, произнёс с неловкой вежливостью:

— Госпожа Пак.

Присмотревшись помутневшим взглядом, я сообразила, что передо мной — глава охраны главного героя, того самого, по кому сохла прежняя злодейка, то есть я. Мужчина был красив, но совсем не так, как главный герой. Тот был лоцёным пижоном с гладкими блестящими волосами, всегда без щетины, с телом, будто вылепленным по лекалу, — принц, короче. Этот же, на чьих коленях я сейчас восседала, был другим — до мурашек, до дрожи. Под свитшотом цвета индиго угадывались узловатые вены и бугры мышц, ноги — боже, эти ноги! — в тёмных джинсах казались высеченными из камня. Я нервно сглотнула: девственница, ёлки-палки. У автора явно с головой был полный швах.

Теперь взгляд скользнул по лицу: светлые вьющиеся волосы, небрежно растрёпанные, будто он только что гнал на байке без шлема, лёгкая небритость цвета спелой пшеницы, глаза — чёрные, как безлунная ночь, затягивающие в бездну. Над губой белел небольшой шрам, давно заживший, но оставшийся едва заметной нитью.

Не долго думая, я осушила его бокал одним глотком, а затем, поддавшись внезапной дерзости, припала к его губам, настойчиво и требовательно, вливая остатки виски в его рот. Сначала мужчина опешил, даже отпрянул, но быстро сдался под напором — прижал меня к себе так крепко, что хрустнули рёбра, а в груди вспыхнул сладкий огонь.

В голове мелькнуло: «Ну вот, и на моей улице праздник будет!» — как вдруг до слуха донёсся странный треск. Я не сразу поняла, что происходит, а потом ощутила, как меня куда-

то выдирают, вырывают из сцены, из книги, сопровождая это недовольным низким женским голосом:

— Ну что за бред! И в этой тоже! Чё хотят — то и делают!

Сознание погасло, но темнота длилась недолго. Когда я открыла глаза, передо мной был вовсе не привычный пейзаж Кореи с её поддельным реализмом, а розоватый потолок, расписанный замысловатыми вензелями, — они вились, как стебли диковинных цветов.

Я села в растерянности и ощутила небывалую лёгкость — тело казалось почти невесомым, будто сотканным из утреннего тумана. Учитывая мою прежнюю довольно элегантную женскую статность, это никак не вязалось с мироощущением. Пришлось встать и подойти к зеркалу, чтобы узреть в нём нечто до блевотного милое.

В отражении на меня смотрела девушка хрупкая, как моя противница из прошлой книги: дунешь — и сдует. Волосы теперь были пепельно-розовыми, мягкими завитками, словно сахарная вата, спускались аж до самой попы. Глаза — цвета фиалок, огромные, с поволокой, как у загнанного барашка. А сверху довершали образ два маленьких розовых ушка и такие же рожки-завитки — окончательно добили меня, я аж поперхнулась от возмущения. Тело облегло тонкое атласное платье, явно предназначенное для сна, — оно струилось, как вода. Раздражали ещё накладные ресницы, пухлые бантиком губы — даже наклеить такие невозможно, до чего ж кукольно!

«Мда...» — подумалось мне, когда в комнату влетели служанки и, не спрашивая, схватили под белы ручки, понесли купать, причёсывать, наряжать, обращаясь ко мне сладко и вкрадчиво:

— Принцесса Аврииль, цветок империи, а ещё — Святая дочь.

Похоже, святость новой хозяйки тела появилась после получения метки — на спине горел голубоватым оттенком цветок неведомой орхидеи, которую в этом мире называли армиелой чудесной. Мда, фантазия автора этой книги была куда безумнее нашего.

Чтобы не выдать себя, я молчала, понимая: стоит открыть рот — и наступит фиаско. Зато улыбалась, как сладкая ванильная дурочка, всем, кто попадался на глаза.

Переселилась я сюда как раз к своей помолвке — об этом узнала при появлении жениха Аргаяла, мужчины с длинными голубыми волосами и белыми крыльями, словно у ангела, сошедшего с витража. Юнец был тощ как доска, и сам больше походил на девушку в мужском костюме. Сердце моё с тоской кольнуло: ведь ещё недавно я сжимала в руках шикарного качка, мечтая о бурной ночи, о том, чтобы воплотить все свои самые смелые фантазии.

подавив грусть, я улыбнулась женишку, даже подала ему руку, и мы прошли в зал для танца. Повезло, что тело следовало танцу само, — оно помнило каждое па, я же просто страдала. Не будет мне теперь куриных ножек, пивка, секса с телохранителем. Вздох, сорвавшийся с губ, привлёк внимание жениха, но он не успел задать свой вопрос: на дворец напали, и меня, конечно, потащили в убежище.

По пути какой-то бугай саданул меня по черепашке — и в очередной раз сознание сказало «чао», помахав ручкой. Похоже, это любимое клише автора: трагичная потеря сознания. Ну и пусть, покемарю пока, — решила я, пока меня волоком, как мешок с мусором, тащил дракон в свой драконий замок. Серьёзно, ну что за манеры?

Глава 2

Могучий дракон в облике человека стоял у дверей собственной спальни, ощущая глухую, вязкую опустошённость. Он знал: ему суждено переступить порог, войти в покои, где его уже ждала прекрасная заложница. Помнил, как в самый первый раз она покорила его робостью, влажным блеском слёз, дрожью в тонких пальцах. Её беспомощность рождала в нём первобытное желание обладать, давить, ломать — и от этого по коже бежали мурашки сладострастия. Наверное, те дни были лучшими в жизни великого дракона Оракунда, властителя Тёмной обители, того, кого страшились народы и славили низшие расы, шепча его имя в своих молитвах и проклятиях.

Жизнь была ключом, кипела лавой в жилах, а потом — его настигло осознание. Этот мир — лишь фикция, созданная богами для их скучающей утехи. В тот самый миг, когда в тысячный раз он терзал свою беззащитную жертву, интерес угас, будто пламя, в которое плеснули холодной водой. Следом мир окрасился в два банальных цвета — чёрный и белый, без полутонов, без жизни.

Даже познав истину, мужчина оставался верен сценарию, как верный пёс своему хозяину. Он понимал свою роль, боялся нарушить её — вдруг боги разгневаются и сотрут его в пыль, как и не бывало?

Глубокий вздох — и глыба выше двух метров тяжело шагнула в спальню. Оракунд опустился на ложе, устланное мягкими шкурами, и уставился на свой трофей после очередного набега. Розовые рожки, трогательные кудряшки, почти кукольное лицо — он уже не помнил их цвета, не скучал по этому тусклому отголоску памяти. Цепь звякнула, натянувшись до звона, и он произнёс безучастно, словно читал давно заученную молитву:

— Вот и снова ты здесь, принцесса.

Я проснулась от тяжёлых шагов, от которых даже каменный пол подрагивал, а следом до моих блевотно-розовых ушей донёсся голос захватчика — гортанно-низкий, обволакивающий, будто тёплая смола. Ощувив на запястьях холодные наручники, я даже с нервной сладостью подумала: «Мама дорогая, ну не БДСМ ли?» Сердце в предвкушении сжалось, но банальная реальность быстро отрезвила.

Во-первых, этот гад схватил меня за цепь и поднял над полом, так что запястья пронзила острая боль. Во-вторых, по лицу скользнул коготь — острый, длинный, он царапнул нежную кожу, оставляя за собой едва заметный алый след.

Я невольно представила, как на это отреагировала бы прежняя хозяйка тела — и меня замутило. Поэтому, распахнув свои недобрые глаза, буркнула первое, что пришло в голову. Всё-таки моё величество — заслуженная актриса Кореи, не абы кто:

— Поставил меня на пол, быстро! Пока я тебе глазёнки не повыцарапала!

Он замер, явно ошарашенный, а я уставилась на него с любопытством. Мужчина был роскошным, до дрожи. Под два метра ростом, тело — гора мышц, переплетённых жилами, как корни векового дуба, цвета пряного какао с корицей. Глаза горели глубоким индиго, холодным и пронзительным, словно звёздное небо в лютый мороз. Волосы коротко выбриты на висках, сверху были собраны в тугие косы, что спускались до середины бедра, — тяжёлые, тёмные, как вороново крыло. Довершали образ живые огненные татуировки, перетекающие по коже, словно расплавленная лава, пульсирующие в такт сердцу. Одежды почти не было: набедренная повязка и кожаный нагрудник, не скрывающий ничего.

«У-ля-ля...» — пронеслось в голове.

Пока дракон от удивления мялся, я уже командовала:

— Опустил моё сиятельство на пол. Живо!

И, о чудо, он послушался. Осторожно спустил меня на тёплый каменный пол, даже наручники расцепил бережно, спросив поражённо:

— Ты не похожа на принцессу. Кто ты?

— Ну как бы тебе сказать... Меня в вашу книгу закинуло. Ещё и в это розовое чудо. Поможешь мне?

Я разминала плечи после грубоватого переноса по воздуху, а взгляд мой упал на могучие рога нового знакомого — выгнутые, угольно-чёрные, с едва заметным узором, будто вырезанные древним мастером. Засмотревшись, я бездумно привстала на носочки и потянулась к ним. Увидев мою попытку, мужчина с лёгкостью опустил на колени, склонив голову.

Рога оказались горячими, живыми, даже пульсировали — как будто под твёрдой поверхностью билось пламя. Я провела пальцами от основания до самых кончиков, чувствуя подушечками их бархатистую гладкость, и лишь потом заметила, как великий дракон алеет от смущения. Багровый румянец разлился по его щекам, коснулся даже ушей.

Понимая, что перехожу границы, я отступила и оглядела себя. Платье было безнадежно помято, выглядело хуже тряпки. Вздохнув, спросила похитителя:

— Эй, ты случаем не знаешь, можно ли мне в другое тело вселиться? В этом, честно, блевать тянет.

Мужчина снова поднялся, возвышаясь над моим маленьким овечьим тельцем, и внезапно представился:

— Меня, кстати, не «эй» зовут. Имя мне — Оракунда, я правитель драконов. Переселиться не смогу помочь, но ты — в теле Святой. Попробуй представить нужный образ и воплоти его своей силой.

Послушавшись правителя драконов (как там его? Ой, да ладно, буду звать Орак), я решила опробовать способ. Прикрыла глаза и представила себя в той роли, где играла небожительницу — в довольно откровенном наряде. Длинные, иссиня-чёрные волосы, угольные глаза (тогда с линзами намучилась), грудь — пышная, бёдра — сочные, под одеждой было столько накладок, что мама не горюй.

Магия потекла по жилам, горячая и щекочущая, а тело послушно менялось. Рост вытянулся, в нужных местах появились желанные формы, розовый сменился на глубокий, бархатный чёрный. Я даже рога себе придумала — изящные, как у древней богини, чтобы на фоне других не выделяться.

Когда открыла глаза, даже не взглянув на поражённого мужчину, подошла к зеркалу. Оценила форму: хаори, распахнутое так, что открывался прекрасный вид на грудь и на ноги — пурпурно-алого цвета с золотыми украшениями, что горели, как солнечные блики, вторя жёлтому сиянию комнаты.

— Уже лучше, — заключила я и наконец повернулась к гиганту.

В его глазах плескался искренний, первобытный восторг. И тогда до меня дошла простая истина закоренелой девственницы: не перепало с одним — соблазним другого. Тем более что бугорок под набедренной повязкой впечатлял до глубины души.

Ух, не сомневаясь ни минуты, я подошла к самцу, провела пальцами по мощному прессу, считая кубики — один, два, три, четыре... — и, приподнявшись на цыпочки, пригласила к поцелую. Когда великий дракон уловил посыл, он наклонился, подхватил меня за талию, поднимая, словно пушинку. Губы его — горячие, влажные — накрыли мои, а язык, шершавый и длинный, как у ящерицы или змеи, скользнул внутрь, обвиваясь с моим, призывая к танцу.

Голова закружилась моментально, сердце забилося где-то в горле, и казалось — вот оно, счастье, лежит на ладони, бери и кушай.

Но куда там!

Снова послышался треск бумаги, будто кто-то яростно перелистывал страницы, и меня потянуло в неизвестность. Удивительно, но мужичка я прихватила с собой — возможно, против его воли.

— Это же был мой любимый момент! — раздался уже знакомый низкий женский голос, полный возмущения.

Яркий свет ослепил, сознание погасло, и в тишине остался лишь мой несчастный вопль:

— Кайфоломщица фигова!

Глава 3

Я снова плыла в неге отрешённости и бытия, думая о малом. Честно говоря, хотелось пожрать — плотненько так, и желательно фастфуд. В своём родном мире перед переносом я пила без закусона, в роли принцессы-барашки собиралась на бал с голоду, и именно сейчас мою скромную натуру обуял голод — и не только сексуальный.

Открыв ясны глазоньки, я огляделась и поняла: нахожусь в пещере — или храме, вырубленном в гроте. Свет сочился из крошечных окон под самым потолком, а вот входа не наблюдалось. Тело моё было облачено в древние одеяния с азиатским узором — значит, это могло означать лишь одно: да здравствуют небожители и самосовершенствующиеся! Зная основной наклон сюжета, я осилила позу лотоса, чтобы ощутить энергию, но желудку было глубоко плевать на моё просветление — он призывно урчал, требуя немедленной жертвы.

Конечно, совсем скоро мне всё это наскучило, и я ласково позвала драконюку — вдруг он тут, голубчик:

— Властитель драконов! Как там тебя... Орак? Ау! Ты здесь?

Меня даже кольнуло чувство одиночества — мерзенько так, как иголка под ноготь, — когда от выступа в гроте донёлся голос мужчины моей мечты. На радостях я рванула туда, да так и замерла, ибо не было там моего мужекамня под два метра. На янтарном алтаре лежал лишь меч — красивый, чёрный, с отблесками багрового, словно в его лезвии дремало пламя. От него-то и шёл голос Орака, произнесённый с явным офигением:

— Ты, конечно, говорила про попадание, но почему я — меч?!

— Ну так это фэнтезя в стиле уся, ты, видать, атрибут либо героини, либо злодейки. Не бойся, я ж с тобой!

— Легче не стало, — буркнул меч. — Холодновато как-то, будто голым стою на скале снежной вершины.

— Ща согреем! — рапортовала я, схватив меч и прижав к себе — в ножнах что лежали рядом, конечно, я ж не самоубийца.

Стоило мне сжать товарища в сладострастных объятиях, как в голову ворвались воспоминания владелицы тела. Звали прекрасную деву клана Демонов Ориксия — гадина та ещё. Чтобы получить эссенцию Снежного Инь, она перебила целый клан, не пощадив ни женщин, ни детей. А теперь её заперли здесь, дабы она впитала эссенцию — или умерла, захлебнувшись собственным ядом.

«Ну вот, я снова злодейка. Похоже, это лучше, чем страдать в роли аморфной героини», — заключила я и сразу прекратила объятия с мечом. Ибо надо было впитать эссенцию, благо воспоминания подсказали как.

Процесс поглощения оказался мерзким, но необходимым. Из меня вышла целая лужа зловонной чёрной жижи — она сочилась сквозь поры, оставляя на коже липкий, пахнущий серой налёт. Тут-то и пригодился родник в пещере: вода в нём была хрустальной, холодной, и каждое прикосновение её казалось поцелуем льда.

В отражении водной глади мне открылся новый облик. Серебряные длинные волосы струились по плечам, словно лунный свет, застывший в прядях. Лицо — аккуратное, хоть и немного стервозное: острые скулы, манящие сочные губы цвета коралла, глаза абсолютно чёрные, как сама ночь, как бездна, в которой тонут звёзды. Тело досталось тоже неплохое: широкие плечи, узкая талия, сильные бёдра — и грудь, что надо, упругая и высокая.

— Эх, и опять всё зазря пропадает! — буркнула я недовольно, окунувшись в сласть горного ручья.

Переодевшись в запасной комплект — тёмный ханьфу с серебряной вышивкой, — я направилась к выходу, забросив меч за спину. Благо выпустили меня сразу, без лишних вопро-

сов. Товарищу я прошептала: «Не отвечивай, мало ли чего — вдруг только ты в этой книге единственный говорящий меч?»

Шире дале, крутим педали. По возвращении меня сразу потащили к отцу — высокому, худощавому мужчине в одеянии цвета воронова крыла. Он стоял у трона, сложив руки за спиной, и его пронзительный взгляд, казалось, прожигал дыры в стенах. Возможно, прошлая хозяйка и боялась папеньку, мне же было на это по фигу.

Оттого, улыбнувшись во все зубехи, я поклонилась, спросив наигранно вежливо:

— Зачем вы звали меня, отец?

У мужчины от этих слов, кажись, сердце прихватило. Он вмиг оказался рядом, сжал мои руки в своих сухих горячих ладонях, и голос его зазвучал мягко, с любовью, которой я в нём прежде не замечала:

— Доченька, пташка моя... Ты больше не желаешь меня «папенькой» называть? Прости, что был строг — это всё совет клана, их чёрные языки. Но как только ты докажешь силу крови, я смогу объявить любимую дочурку наследницей.

Так-так, поворот на тридцать градусов — или все девяносто? Обняв мужчину, я смягчила тон, прощепетав по-идиотски ласково:

— Ну что вы, папенька, я не в обиде. Просто устала, да и спать тянет. Давайте поговорим завтра на свежую голову.

— Конечно, иди ложись спать, малышка, — ответил старикан, и я ускользнула от него в родные покои.

Благо слуга, что вёл меня, оказался на редкость болтливым — болтливым до жути.

— Госпожа, завтра вас ждёт битва со старшим братом, господином Риксюмоном, — шептал он, когда мы сворачивали в длинный коридор, уставленный мерцающими свечами. — Прошу вас, не сдерживайтесь! Он и его прихвостни всегда вас обижали, как младшую, третируют и смеялись за спиной. Пусть ваша мать была из Светлой фракции, но она обладала драгоценным телом Инь — и вы унаследовали её силу, даже если клан молчит об этом.

Я слушала его подбадривания в пол-уха, периодически зевая и прикрываясь раскрытым веером алого цвета, украшенным золотыми драконами. Но желудок мой напоминал о себе с каждой минутой всё настойчивее, и когда слуга наконец поклонился и исчез за дверью, я вздохнула с облегчением — и с голодным урчанием, способным разбудить мертвеца от векового сна.

В покоех, к моей великой радости, обнаружился низкий столик, уставленный яствами: парящий рис в фарфоровых пиалах, мясо в пряном соусе, маринованные овощи, нежные рисовые лепёшки и кувшин с чем-то ароматным, напоминающим сливовое вино. Я набросилась на еду с такой яростью, будто меня не кормили тысячу лет — хотя, если честно, так оно и было наверное.

— Ты бы поосторожнее, — раздался из-за спины ворчливый голос меча. — Я хоть и железный, но даже мне противно смотреть, как ты жуёшь с такой страстью. Захлебнёшься в слюнях — кто тогда меня носить будет? Опять в какой-нибудь алтарь положат, пыль глотать...

— Ой, заткнись, — пробормотала я с набитым ртом, откусывая очередной кусок мяса, сочного и тающего на языке. — Не ной, Орак. Ты теперь меч, а мечи, между прочим, не едят. Так что терпи и любуйся на мою буйную трапезу, это единственное шоу, которое я тебе могу предложить.

— Представление называется «Гиена с голодного острова», — проворчал он обиженно, но я уже не слушала.

Когда с едой было покончено, я рухнула на ложе, устланное мягкими шкурами, но тут же вскрикнула — меч упёрся прямо в позвоночник. Орак буркнул еле слышно, хрипло и с достоинством оскорблённого дракона:

— Задушишь же!

Конечно, я спасла своего соратника от собственной спины, положив его рядом, укрыв нас обоих тёплым одеялом с вышитыми драконами. Понимая, что засыпаю от усталости, я провалилась в вязкую темноту, в надежде, что завтрашний день будет лёгким и простым... Да куда там.

Глава 4

Просыпаться не хотелось — я чувствовала это всем нутром, каждой уставшей клеткой, вот только мой меч явно был с этим не согласен. Он бубнил, ворчал, ныл, пока я пыталась удержаться на грани сна:

— Попаданка, попаданка, вставай давай! Солнце уже в зените, а ты дрыхнешь, как сурок в зимней спячке!

— Да у меня ж имя есть, попаданка да попаданка! — буркнула я, не открывая глаз, и лениво перевернулась на бок, лицом к говорящему клинку. — Хоть бы раз по имени позвал!

— Ну уж извини, — огрызнулся меч с детской обидой в голосе, — имени ты своего мне так и не назвала. Я ж не заклинатель, чтобы угадывать и мысли читать не умею!

— А ведь точно... — я приоткрыла один глаз и уставилась на чёрное лезвие, лежащее рядом на расшитой подушке.

Резко сев, я ощутила, как поясницу пронзила острая боль — похоже, в этом мире о пилатесе и не слыхивали, а ложе, хоть и шикарное, было явно рассчитано на древних воинов с каменными спинами. Посмотрев на свою «железюку», я отвесила церемонный поклон, как истинная кореянка перед старшим:

— Прости уж, запомятовала совсем. Я — Пак Хва Су. Будем знакомы, Орак.

— Так уж и быть, — молвил могучий дракон, и по его лезвию прошёл умилительно-розовый отлив — от основания до самого кончика, словно закатное солнце коснулось стали.

Пальчики мои сами потянулись к горячей на ощупь поверхности: металл пульсировал, дышал, даже обжигал, но боль была сладкой, манящей. От моего прикосновения и нежного поглаживания Орак ругнулся на неизвестном наречии — гортанном, древнем, — откашлялся, и лишь потом попросил слишком сиплым, надтреснутым голосом:

— Пак Хва Су... не могла бы ты меня не трогать без предупреждения?!

— Оу, — протянула я, не убирая руки, и коварная улыбка расплзлась по моему лицу, как масло по горячему хлебу. — Можно не так официально, зови просто Хвасу. А с предупреждением можно трогать?

Бедный повелитель драконов не имел конечностей, не мог сбежать или увернуться — и в данный момент мой меч выглядел настоящей мышкой, загнанной в угол, а я чувствовала себя кошечкой в стадии охоты. Пальчики мои прошли вдоль лезвия до самой рукояти, обхватили её, сжав нежно, почти ласково. Сталь так и переливалась цветами — от багрового до фиолетового, от фиолетового до глубинного чёрного. Не сдержавшись, я даже чмокнула ленточку, свисающую с рукояти — своеобразное украшение, что тоже было его частью, живое и трепетное.

От моей приставучести Орак взвыл — низко, протяжно, и хотел было повысить голос, как вдруг переливы на лезвии прекратились, а до моего слуха донеслось едва слышным шепотом:

— У нас гости. Аура незнакомая. Чужая.

— Поняла, — ответила я, мгновенно встряхнувшись и отбрасывая игривость.

Используя магию, оставшуюся мне от барашки — тонкую, тягучую, словно шёлковая нить, — я придала себе свежий и сияющий вид: волосы серебряным водопадом уложила за спину, платье тёмно-синее с золотой вышивкой расправила, глаза сделала бездонными и холодными. Меч в ножны за спину — и я распахнула двери сама, без помощи слуг.

На пороге, нагло ухмыляясь, стоял молодой мужчина — высокий, тощий, с бледной кожей и жидкими волосами, собранными в высокий хвост. Его женоподобное лицо, острое и длинное, было перекошено в насмешливой гримасе, а за спиной топтались двое прихвостней — таких же тощих, с глазами-бусинками, готовых ловить каждое его слово.

— Сестрица, — пропел он слащаво, кланяясь с преувеличенной учтивостью. — Риксюмон приветствует тебя в этот чудесный день. Как спалось? Не мучили кошмары? Говорят, тем, кто впитал эссенцию Снежного Янь, снятся чудовищные сны...

— Риксюмон, — перебила я, холодно улыбувшись, и в следующее мгновение мой кулак встретился с его носом.

Хрустнуло громко, сочно, и братац отлетел на пару шагов, схватившись за лицо. Из-под пальцев тонкой струйкой потекла кровь — алая, густая, пачкающая его белоснежный ханьфу.

— Это за стоемную морду, — бросила я, проходя мимо него, не удостоив и взглядом. Теперь — прочь с дороги, я голодна.

Прихвостни попытались преградить мне путь, выставив вперёд свои жалкие клинки, но я лишь щёлкнула пальцами, и их оружие покрылось инеем, выпав из рук с глухим звоном.

— Мы ещё встретимся на арене, — прошипел Риксюмон мне в спину, сплёвывая кровь. — И тогда ты заплатишь за каждую пролитую мной каплю.

— Буду ждать с нетерпением, братац, — бросила я через плечо и зашагала в сторону кухни.

Меч за спиной тихо вибрировал, сдерживая смех, и каждая вибрация приятно массировала мне спину, расслабляя до жути. Если бы Орак переродился мужчиной, моя девственность давно бы махнула мне ручкой — но сейчас приходилось сдерживать порывы, хотя глаза всё ещё выискивали мужчин покрупнее, помускулистее. Увы, мир этот — уся, и кругом одни мальчишки-цветочки: дунешь — и их снесёт.

Когда мы оказались в саду — тихом, зелёном, с журчащим ручьём и каменными фонариками, — я прихватила с кухни тёплые булочки баоцзы. Откусив первый укус — сочный, ароматный, с мясом и пряностями, — я обратилась к Ораку, жуя с наслаждением:

— Мне кажется, я поняла, почему меня по мирам таскает. Кажись, когда я нарушаю задумку автора, некто шпыняет меня в другую книгу. Так что в этот раз пойдём по сюжету, который мне неведом. Но выкрутимся как-нибудь. Что думаешь, владыка?

— Пробуй, — ответил Орак, и голос его прозвучал глубже, мягче, с ноткой беспокойства. — Я поддержу, чем смогу. Ты знаешь, сегодня бой — вроде как с твоим братом. Справишься?

Его тревога согрела мне сердце, разлилась где-то в груди тёплой волной. Я доела булочку, вытерла руки о платок и, выпрямившись, подмигнула в пустоту у рукояти:

— Не переживай, мне отроду написано злодейкой быть.

В приподнятом настроении я поспешила к месту будущей битвы. Арена оказалась небольшой, но внушительной: круглая площадка из белого камня, огороженная низкими колоннами, на которых мерцали охранные печати. Вокруг собралась толпа — клановые старейшины, слуги, воины. В центре уже ждал Риксюмон с двумя своими прихвостнями, готовыми подстраховать в случае чего.

— Сестрица, — скривился он, когда я ступила на арену. — Уверена, что справишься? Может, сразу сдашься? Я попрошу за тебя, одно моё слово — и отец смягчит наказание.

— Ой, заткнись, — отмахнулась я, становясь в стойку. — Мне ещё позавтракать не дали нормально из-за твоих выкрутасов. Так что давай быстро и без соплей.

Прихвостни ринулись первыми, надеясь застать меня врасплах, но я лишь приподняла бровь. Внутри всколыхнулась ледяная сила — подарок эссенции Снежного Инь. Магия морозным потоком вырвалась из ладоней, окутав противников. Их клинки покрылись льдом, руки свело, а сами они замерли статуями, с ног до головы закованные в прозрачный хрустальный панцирь.

— А ты, — повернулась я к Риксюмону, — сам подойдешь или мне тебя пальчиком поманить как дите малое?

— Тварь! — заорал он, взмывая вверх с мечом наготове. — Ты не посмеешь...

Я не дала ему договорить. Щелчок пальцами — и земля под его ногами покрылась скользким льдом. Он поскользнулся, взмахнул руками, потерял равновесие, и я, воспользовавшись моментом, послала ледяную волну прямо ему в грудь. Риксюмона отбросило к колонне, и он рухнул, выронив оружие, навзничь.

— Я же говорила, братец, — улыбнулась я, стряхивая невидимую пыль с рукава. — Не нужно было мешать мне с завтраком. Когда голодная жутко злая!

— Хвасу, — раздался голос Орака в моей голове, раздражённый и сдержанный. — Ты могла бы предупредить, что собираешься выкинуть такой фокус! Я чуть не выпал из ножен от твоего выброса!

— Ой, не ной, — прошептала я в ответ, склоняясь над поверженным братом, чтобы удостовериться, что он жив. — Ты же дракон, тебе не привыкать к пыли битвы.

— Дело не в этом, — буркнул Орак. — Дело в том, что я теперь меч, а не боевой талисман! И потом, ты могла бы дать мне хоть раз блеснуть! Показать, на что способен настоящий драконий клинок!

— В следующий раз, — отмахнулась я, чувствуя на себе тысячи взглядов — удивлённых, испуганных, восхищённых.

Толпа молчала. Кто-то попятился, кто-то, наоборот, сделал шаг вперёд, разглядывая меня с новым интересом. Старейшины перешёптывались, поглаживая длинные козлиные бородки. А где-то в первых рядах стоял отец — и в его тёмных глазах мелькнула искра гордости, почти незаметная, но я её уловила.

— Сестрица... — простонал Риксюмон с пола, пытаясь подняться. — Это ещё не конец!

— Конец, — отрезала я, поправляя меч за спиной. — Я не трону твоих прихвостней — пусть оттают и тебя пожалею. Но если ещё раз встанешь на моём пути...

Я щёлкнула пальцами, и прямо перед его носом выросла тонкая, но острая ледяная игла.

— ...превращу в ледышку и выставлю на обозрение. В качестве садовой скульптуры. Думаю, гостям понравится. — я развернулась и, не оглядываясь, направилась к выходу с арены, чувствуя, как по спине пробегает дрожь от смешка Орака. — Что?

— Я бы заплатил тебе всем моим драконим золотом, чтобы увидеть это, — прошептал он. — Ты неповторимая, Хвасу.

— Ещё бы, — ухмыльнулась я. — Я же актриса, а умелая актриса всегда знает, как сделать супер шоу.

Глава 5

Радость победы сладко щекотала под ложечкой — будто кто-то пером щекотал изнутри, вызывая глупую, почти детскую улыбку. Меч за моей спиной всё ещё хихикал, тихо вибрируя, а я понимала: надо бежать. И чем быстрее, тем лучше.

Если судить по характеру героини, по тем воспоминаниям, что мне открылись, ей к чёрту не нужна власть в демоническом клане — ведь ей под стать завоевать весь мир. Амбиции у неё, конечно, были впечатляющие: завоевать небеса, подчинить себе пять великих школ, а потом и вовсе стать владычицей всего сущего. Мне же от этого наследства хотелось только одного — сбежать, пока меня не накрыло этой великой ответственностью.

— Хвасу, — проворчал Орак, когда я торопливо рылась в сундуках в поисках кольца-хранилища. — Ты хоть понимаешь, что делаешь? Это же клан Демонов! Твой отец — великий старейшина! Если он узнает, что ты сбежала, он...

— Он что? — перебила я, найдя наконец кольцо — тёмное, с красным камнем, пульсирующим как живое сердце. — Пошлёт за мной погоню? Устроит охоту на собственную дочь? Орак, милый, я злодейка. Я не могу оставаться там, где меня хотят сделать великой демоницей. Это противоречит моей природе.

— Ты — актриса, — фыркнул меч. — Ты можешь сыграть само зло.

— Могу, — согласилась я, закидывая в кольцо пару сменных комплектов одежды, кошель с монетами. — Но не хочу. Демоницы стервозные скучные. У них нет оригинальной харизмы.

Я уселась за резной столик из чёрного дерева и нацарапала записку отцу. Для эффективности — ибо я актриса, а не какая-то там барышня из второстепенного романа — я старательно вывела неровным, будто дрожащим почерком:

«Папенька, прости меня. Я знаю, ты хотел сделать меня наследницей, но у меня душа к этому не лежит. Поэтому я отправляюсь завоевывать мир. Ты ещё услышишь о моих победах! Прощай».

Подумав, я добавила внизу приписку, смахивая с глаз — для правдоподобия — пару капель воды, похожих на слёзы:

«Риксюмона не убивай, он ещё пригодится. Целую, твоя непутевая дочь».

— Ты серьёзно? — спросил Орак, когда я сворачивала записку в трубочку и перевязывала шёлковой лентой. — «Завоевывать мир»? Это звучит как строчка из дешёвого романа.

— Это и есть роман, — ухмыльнулась я. — Я просто следую жанру.

В мгновение ока я собрала всё необходимое в пространственное кольцо, обворовала кухню, прихватив вяленое мясо, рис, специи и целый мешок булочек баоцзы — никогда не знаешь, где окажешься в следующий раз, — и перемахнула через высокую каменную стену, мягко приземлившись в тени старого баньяна.

— Ты со мной даже не посоветовалась, Хвасу, — проворчал Орак, когда я, запыхавшаяся, но довольная, остановилась перевести дух.

— Орак, — пропела я, на ходу меняя внешность: волосы серебряные превратились в золотистые с розовыми отливами — как медовый закат, глаза стали зеркально-сиреневыми, как весенние сумерки, а кожа осветлилась до персикового оттенка. — Если бы мы рассусоливали, нас бы уже давно поймали. Я действую быстро, ты знаешь.

Следом преобразился и он: чёрное лезвие покрылось серебристым узором, рукоять украсилась изящной резьбой, а ленточка, свисающая с неё, стала цвета утренней зари. Теперь мы выглядели как безобидная странница с декоративным клинком — ничего подозрительного.

Я мысленно прошептала прежнему своему телу, оставленному в прошлой книге: «Спасибо, барашка. Ты была милой, но твои способности намного милее».

Орак, наблюдая за переменами со своей перспективы, издал долгий вздох, в котором смешались восторг и ревность. Вслух же партизан ничего не сказал — шибко гордый, чтобы признавать мою продуманность.

Я поспешила к отходящему кораблю — огромной, многоярусной джонке с резными драконами на носу и алыми парусами, надутыми ветром. Но у трапа меня тормознула охрана — суровые мужчины в кожаных доспехах, с копьями наготове.

— Стоять! — рявкнул старший. — Обыск. Ищем сбежавшую демоницу—наследницу.

Я изобразила невинность — глаза широко распахнуты, хлопаю ресницами, на губах легкая, растерянная улыбка. Мои золотистые локоны спадали на плечи, платье кремового цвета струилось, делая меня похожей на полевой цветок, невинную странницу, забредшую не туда.

— Господа, — пролепетала я тоненьким голоском, — я всего лишь скромная целительница, еду на восточные земли к родственникам. Неужели я похожа на демоницу?

Старший глянул на меня, скептически прищурился, но магия иллюзий работала безупречно — я чувствовала, как она обволакивает меня, как мёд, делая образ непроницаемым. Он махнул рукой, и меня пропустили.

Как только я оказалась на палубе, а корабль отчалил от причала, я выдохнула с облегчением.

— Ты довольна опасна, — прошептал Орак еле слышно, чтобы никто не услышал. — Я чуть не выкрикнул что-то от восхищения. Ты, Хвасу, определённо злодейка.

— Да это комплимент, приятно, — усмехнулась я, усаживаясь на палубе, скрестив ноги и глядя на удаляющийся берег.

Корабль плыл медленно, но верно — по изумрудной воде, вдоль зелёных скал, поросших древними соснами, чьи ветви склонялись над водой как согбенные старцы. Ветер трепал мои волосы, и на душе впервые за долгое время стало легко — по-настоящему легко, без оглядки на сценарий.

— Орак, — спросила я лениво, когда солнце начало клониться к закату, заливая небо багрянцем и золотом. — А ты бы что делал, если бы не был мечом в этом мире?

— Я был драконом, Хвасу. Я бы летал, сжигал деревни, похищал принцесс и пил вино из черепов врагов, — ответил он с горделивой ноткой.

— А сейчас?

— Сейчас я вожусь с попаданкой, которая не может выбрать между баоцзы и завоеванием мира.

— Ой, — засмеялась я, похлопывая его по рукояти, — ну ты и зануда.

Так мы плыли день, потом два. Я пересчитывала облака, ела булочки, разговаривала с мечом о всяких глупостях — о том, что в нашем мире есть интернет, а в их — нет; о том, что он, наверное, скучает по крыльям; о том, что я всё ещё злюсь на кайфоломщицу, которая вырвала меня из его шикарных мускулистых объятий, пока я не успела насладиться моментом.

— Когда-нибудь я найду её, — мрачно пообещала я, глядя на бирюзовую гладь. — И тогда...

— Что сделаешь? — поинтересовался Орак.

— Я отберу у неё её любимый момент, — усмехнулась я. — И заставлю смотреть, как я с тобой страстно целуюсь.

Орак поперхнулся — если бы у него было горло, он точно бы поперхнулся. Его лезвие пошло алыми разводами, и я почувствовала, как он смущённо вибрирует.

— Хвасу! — возмутился он, пытаясь придать голосу стальной тон. — Это... это неподобающе!

— А тебе не нравится? — прошептала я, придвигая лезвие к губам.

— Хватит! — взревел он, и вся палуба вздрогнула — но никто, к счастью, не услышал верещащий меч, кроме меня.

Так, с шутками и прибаутками, мы добрались до земель Мурим — мира людей, где процветали боевые искусства, где школы и кланы враждовали, а светлые и тёмные культиваторы сходились в бесконечных битвах за ресурсы и влияние.

Я сошла на причал, и в глаза мне ударило яркое солнце, отражающееся от белоснежных стен города, украшенных флагами с иероглифами. Вокруг кипела жизнь: торговцы выкрикивали товары, дети бегали по мостовой, а на каждом шагу встречались закалённые воины в лёгких доспехах, с мечами и посохами.

Я не успела и шагу ступить, как кто-то мягко коснулся моего локтя. Обернувшись, я увидела мужчину — до жути красивого, с длинными белыми волосами, собранными в хвост, и глазами цвета утреннего неба. Его одежды струились — голубые, с серебряной вышивкой, а от него веяло прохладой, словно от горного ручья. Лицо было тонким, аристократичным, почти женственным, но в то же время в нём чувствовалась сила.

— Путница, — произнёс он мягким, мелодичным голосом, и его улыбка была лучезарной, до дрожи. — Ты, должно быть, устала с дороги. Моя школа «Лазурный Пик» недалеко от города. Я — старейшина Юн Вэй. Не желаешь ли отдохнуть и переночевать под моей крышей? В Муриме небезопасно одиноким девушкам.

Я замерла. Он был красив, слишком красив — как картинка из маньхуа. И пахло от него цветами и сосновой смолой. Я мило улыбнулась в ответ проникаясь нотками отвращения, чувствуя, как за спиной Орак взбесился — его лезвие опалило мне спину горячей вспышкой негодования.

— Хвасу! — зашипел он в моей голове. — Ты не собираешься идти к этому... этому выпрыгнувшему из акварели!

— Ой, да ладно, Орак, — прошептала я, не меняя любезного выражения лица. — Бесплатный ночлег — это хорошая экономия. И потом, может быть, здесь дают нормальный завтрак.

— Я не верю этому парню, — прошипел меч. — Он слишком... гладкий. И пахнет, как парфюмерная лавка!

— Привет, ревность, — усмехнулась я мысленно, протягивая руку старейшине Юн Вэю. — С удовольствием принимаю ваше предложение, господин.

И, чувствуя за спиной яростное молчание оскорблённого дракона, я шагнула в сторону города, улыбаясь небесам и своей новой авантюре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.